

Ася Ефименко
Домик Кэти

По ту сторону тумана

Ася Ефименко
Домик Кэти. По ту
сторону тумана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41611214
ISBN 9785449643636

Аннотация

Что бы вы сделали, окажись в ваших руках жизнь другого человека? История о том, как один красочный сон может перевернуть всю жизнь. О дружбе сквозь время и пространство. О том, что бывает, когда страх встречается с молнией. А также о том, что будет, если оказаться по ту сторону тумана.

Содержание

Старый дом	5
Полёт	10
Домашние ежи	15
По ту сторону	18
Шорохи	20
Новые гости	23
Старая история	26
Находка	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Домик Кэти

По ту сторону тумана

Ася Ефименко

© Ася Ефименко, 2019

ISBN 978-5-4496-4363-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДОМИК КЭТИ

Старый дом

Лето подходило к своему завершению, и всё вокруг было окутано туманом. Он скрадывал высокие ели и сосны, а уж маленькие кустики и вовсе пропадали в нём. Судя по карте, ещё выше на холме, на самой окраине, должен располагаться арендованный мною дом. Цена была просто смешная, учитывая размеры и количество комнат, а поскольку лишними средствами я не обладала, такой дом был для меня настоящей находкой.

Возраст мой в прежние времена сочли бы весьма преклонным: пару недель назад мне стукнуло тридцать. Переоценка ценностей была в самом разгаре, а вдохновение не шло, и начать писать вторую книгу никак не получалось. Собрав все свои накопления, я отправилась в глушь. Знаю, это не слишком оригинально, но ничего лучше не придумалось. Природу я всегда любила, а теперь и вовсе чувствовала необходимость пожить вдали от городской суеты и надеялась, что созерцание живописных закатов и бескрайних полей подарят мне достойную идею.

Показать дом вызвалась Грета, крепко сбитая женщина лет шестидесяти, хозяйка местной фермы. Коротко остриженные волосы образовывали пышную шапку, а сама женщина излучала неиссякаемую энергию и здоровье. Руки Греты буквально пропитались мазутом и землёй и оттого напо-

минали скорее мужские. Оно и понятно: Грета с детства росла на ферме и сызмальства помогала отцу, поскольку сына он так и не дождался. После смерти родителей всё хозяйство перешло к ней. Меня всегда удивляли такие люди. Кажется, для них не бывает проблем или препятствий, любая заминка – лишь повод найти другой путь к цели. И они его непременно находят. Грета была именно такой.

Моё новое жилище оказалось двухэтажным старым особняком. Своим видом он напоминал преклонных лет джентльмена, ещё не дряхлого, но уже и не имеющего сил и задора, что прежде. Когда-то этот дом наверняка был прекрасен, сейчас – штукатурка на нём местами отпала, обнажив каменную кладку. Но что-то мне подсказывало, что когда-то этот дом был любим и гостеприимен.

Зайдя в холл, я бросила у порога свои немногочисленные вещи и прошла в зал, в самом центре которого стоял кожаный диван. Он явно давно здесь жил и чувствовал себя хозяином. Его кожаная обивка вся потрескалась и едва напоминала о былом величии этого предмета мебели. С другой стороны, было в нём что-то такое, что трогало душу. Бывает, смотришь на старого человека, чьё лицо исчерчено морщинами, и видишь в них не старость и отчуждение, а долгую и непростую, но интересную жизнь. Вы наверняка уже поняли, что старина навела на меня меланхолию, благоговение, но никак не страх. Я часами могла копаться в шкафах и на чердаках. Когда-то даже думала стать археологом,

но необходимость жить в палатке без удобств и с опасностью быть съеденной тигром заставила меня передумать.

Грета показала мне небольшую уютную кухню на первом этаже, зал с камином, который обещал стать моим любимым местом в доме, а на втором этаже – три спальни и кабинет прежнего хозяина. Всё было аккуратным и, вместе с тем, пропитанным духом истории, и я уже думала о том, как будет здорово писать вечером у камина. Из трёх спален я выбрала ту, что находила в центре коридора, слава от неё располагался кабинет.

Моя новая комната показалась мне самой уютной: обои в мелкий ненавязчивый цветочек, большое окно с видом на лужайку, а вдалеке – лес. У левой стены стояла кровать с большим количеством подушек, ночник на прикроватном столике. Справа от окна расположился высокий бельевой шкаф красного дерева на фигурных ножках и небольшое напольное зеркало. Моё первое большое зеркало! Я так давно мечтала о нём, что сейчас не удержалась от соблазна заглянуть в него.

Зеркало хоть и было довольно пыльным, но внешность мою не искажало, а может, местами даже приукрасило. Рост свой я бы назвала средним, фигуру – скорее стройной, не худой уж точно. Извечные джинсы выгодно подавали мои не слишком длинные ноги, а если бы я заменила удобные кеды на каблук, то и вовсе могла показаться длинноногой, учитывая мой рост. Но свои кеды я любила всей душой,

как и клетчатую рубашку. Её я когда-то выпросила у двоюродной сестры. Я также узнала свои длинные волосы цвета графита, сейчас наспех забранные в хвост, асимметричные брови, нос, который прежде казался мне чересчур длинным, и серые глаза, от задумчивости ставшие почти чёрными. Излишняя задумчивость всегда была мне свойственна, но больше всего – последнее время, когда я оказалась на перепутье и была вынуждена выбирать между карьерой и совестью, и выбрала последнее. Я надеялась на перемены к лучшему, а значит, и цвет моих глаз станет настоящим. Словом, отражение меня вполне удовлетворило, я оставила его в покое и отправилась вместе с Гретой вниз.

Наверняка в этом доме жили прекрасные люди, раз так уютно всё обустроили. Грета заверила меня, что дом очень тёплый, а если что-то понадобится, то двери её фермы всегда открыты. Мы ещё немного поговорили с о погоде, о том, что лето выдалось чересчур влажным, а из-за частых туманов пропала часть урожая. Оставив внушительную связку ключей в моём распоряжении, Грета ушла. А я отправилась разжигать камин, благо, спички и дрова нашлись сразу. Последние были аккуратно сложены в специальной нише в стене, а спички лежали на каминной полке. Как и полагается, она была сделана основательно, как говорится, «на века». Помимо спичек, там стояла пустая фоторамка и гипсовая статуэтка птицы. Орнитологией я никогда не увлекалась, но птиц и прочую живность любила. Разгорающееся пламя успокаивает.

вающе танцевало за каминной решёткой, и я уютно устроилась в кресле.

Полёт

Наверное, я так и уснула у камина. Огонь давно погас, и в комнате стоял холод, как на Северном Полюсе. Руки и ноги задеревенели, во сне я тщетно пыталась разогреть их, но ничего не выходило. И я проснулась. Медленно, но верно, кровь притекала к окоченевшим ногам, пальцы рук уже сгибались. Однозначно – топить здесь придётся постоянно. Завернувшись поплотнее в плед (и откуда он взялся), я протопала к камину. Холод был жуткий, да и темнота не вселяла радости. Вытянув на свой страх руку из-под пледа, я надеялась уткнуться в каминную полку, но нащупала пустоту. Сделала ещё пару шагов, и снова нащупала только холодный влажный воздух. Странно, кресло стояло совсем близко к камину. Я сделала для верности ещё три шага и остановилась. Пустота. Это мне совсем не понравилось. Повернулась обратно: из окон ведь должен попадать хоть какой-то свет? И свет правда был. Лунная дорожка прокралась через всю комнату и терялась у лестницы в прихожей. Это должно было бы меня обрадовать, если бы не один факт – дверь в прихожую я плотно закрыла, чтобы тепло из комнаты не уходило. Зато кресло моё было на месте. Про камин я решила пока не думать.

Я вспомнила всё, что читала о снах наяву, или осознанных сновидениях. Кажется, всё не так страшно. Говорят, это

особая форма реальности, когда мы получаем прямой доступ к информационным источникам Вселенной. Там можно найти ответы на любые вопросы, побывать в других измерениях. Главное – не бояться и смело открывать двери, заглядывать в колодцы и закоулки, ведь там могут скрываться самые интересные и загадочные вещи.

Собравшись с духом и натянув на голову плед, я решительно двинулась к лестнице. Поднявшись по скрипучим ступеням, я оказалась у двери, которая вела в крайнюю из спален. Легко повернула ручку, и дверь бесшумно отворилась. То, что было за ней, явно не было ничьей спальней, да и помещением вообще. Прямо передо мной расстилались бескрайние поля, с высоты они были похожи на огромное лоскутное покрывало. Солнце, поднимаясь над горизонтом, заливало их мягким светом. Я сделала шаг вперёд и – полетела!

Ветер мягко развеивал волосы и щекотал руки. Какое приятное ощущение, будто я совсем-совсем лёгкая, невесомая. Забавно. А что будет, если я упаду? Разобьюсь или просто проснусь? Посмотрев прямо перед собой, я удивилась ещё больше: в руках у меня были два длинных разноцветных пера, которые принадлежали маленькой и безумно красивой птичке. Словно затейливая игрушка, она переливалось всеми цветами радуги под лучами солнца. Как я уже говорила, орнитологией я никогда не увлекалась, но однажды в детстве видела изображение чудесной колибри – миниатюрной и та-

кой прекрасной.

Всегда мечтала вживую увидеть это чудо природы, и пусть это будет лишь во сне. Страшно не было, я лишь с восторгом смотрела по сторонам, – а там было на что посмотреть, виды открывались просто сказочные. Яркая зелень расстилалась до самого горизонта, кое-где её разделяли ленты рек и изредка стоящие домики с черепичными крышами. При виде такой красоты невозможно не ощутить приятного волнения. Тем более, что моё тело очень реалистично ощущало сам полёт: ветер обволакивал кожу прохладным потоком, и я чувствовала себя скорее не птицей, как следовало ожидать, а рыбой, плывущей в толще воды.

Мы стали постепенно снижаться, и я могла немного разглядеть окрестности. Мостовая внизу была выложена камнем, по сторонам от дороги раскинулись пышные деревья. За ними то и дело выныривали крыши домов. Мы пролетели над мостовой и через арку нырнули в тенистый двор-колодец.

Я наконец почувствовала землю и твёрдо встала на ноги. Моя таинственная знакомая молниеносно взмыла ввысь и уселась на ветку дерева, внимательно за мной наблюдая. Я осмотрелась: все окна в домах были тёмными и холодными. Вся атмосфера этого двора резко контрастировала с тем, что я только что видела. Однако я не имела понятия о том, где нахожусь и зачем оказалась здесь. Ничего не предвещало, что хоть кто-нибудь собирается просветить меня на этот

счёт, но в голове безмолвно крутился один вопрос: «Где я и зачем?»

Вы когда-нибудь чувствовали, как спину буравит чей-то взгляд? Раньше я была убеждена, что это не более, как красивый оборот речи, но не в этот раз. По спине побежали мурашки, и я буквально физически ощутила, что кто-то пристально смотрит на меня. Мне ничего не оставалось, как повернуться и проверить, и я настроилась увидеть нечто ужасное. Каково же было моё удивление, когда я увидела маленькую девочку лет семи или восьми. Её ярко-синие глаза смотрели прямо на меня, но будто сквозь, она не видела меня. Зато у меня было время разглядеть её. Аккуратное голубое платье в горошек и соломенная шляпка выдавали в ней любимую дочь, явно из хорошей семьи. Пожалуй, наряд был несколько старомодным, но очень милым и симпатичным.

И тут начался дождь. Струями вода стекала с полей соломенной шляпки и разбивались о землю. Примечательно, что нигде вокруг дождя больше не было. Только эта девочка в потоке дождя, и ни души вокруг. Я смотрела, не отводя глаз, и могла бы простоять так долго, но руки и ноги вдруг стали неподъёмно тяжёлыми, словно набитыми песком. Весь мир вокруг стал сначала расплываться, а потом и вовсе превратился в одну сплошную темноту, и меня, словно в водоворот, затянуло в сон.

Проснулась я поздним утром и долго обдумывала увиденное. В том, что это был не просто сон, я уверена: ни один

сон не бывает таким ярким и реалистичным. Пожалуй, даже чересчур. Кто та девочка – вот главный вопрос. Совершенно точно, что прежде я никогда не видела её, а значит, дело не во мне. Особо суеверной я никогда не была, но в существование «непроявленного» мира всегда верила. Было бы странно, если бы человек оказался единственным и неповторимым существом во всей Вселенной. Глупо думать, что ты важнее всех. Люди с лёгкостью верят в приметы, но иронично улыбаются в ответ на замечания о параллельных мирах. Их устраивает такая путаница, и они вовсе не стремятся расширить границы своего маленького мира. Так и проживают всю жизнь в картонной обувной коробке.

Мне же всегда хотелось верить, что мир интереснее и загадочнее, чем принято думать. Я никогда не мечтала увидеть инопланетян, но в детстве верила в существование параллельных миров и путешествия во времени. С возрастом мало что изменилось, разве что груз ответственности заставил стать более скептической и менее внимательной к мелочам, которые когда-то могли бы заставить моё сердце бешено колотиться. Сейчас детские надежды и верования проснулись и оживлённо потирали ручки, и я поняла, что жизнь моя обещает быть интересной.

Домашние ежи

Уединение в большом старом доме постепенно стирало слой за слоем шелуху взрослой жизни, и я всё чаще прислушивалась к шорохам и скрипам ночного дома. Всё-таки правду говорят, что каждый дом – живой, со своей атмосферой, настроением и характером. Несколько раз мне казалось, что в соседней комнате кто-то ходит и качается в кресле. Но всякий раз, когда я, затаив дыхание, босиком пробираюсь к двери и с размаху открывала её, комната оказывалась пуста. Не то чтобы я ждала, что увижу привидение или нечто подобное, но, согласитесь, моя встреча с той девочкой давала мне право на ожидание очередной встречи с тайной. Однако прошло уже несколько дней, а жизнь шла своим чередом.

По утрам я варила кашу и пила чай (причём чайника я не нашла, и кипятила воду прямо в кастрюле), днём гуляла и писала, а по вечерам допоздна сидела у камина. В сотый раз проверяя вечером кабинет, я обратила внимание на лист бумаги, он чётко выделялся на тёмном полу. Может, его сдуло ветром с одной из полок?

С трудом удалось рассмотреть в этом старом пожелтевшем клочке бумаги газетную вырезку. Время не пощадило её, и от текста остались только обрывки фраз: «дом на холме... страх... необитаем... сторонятся... семьи...». Дальше я ничего не разобрала и так и не узнала, о какой семье шла

речь, ясно было одно – я арендовала этот самый «дом на холме».

Ещё пару лет назад такая находка вкупе с ночными скрипками точно заставили бы меня спешно уехать, но сейчас я решила остаться. Конечно, я испытывала страх, но вместе с тем – и уверенность, что должна остаться в этом доме, а всё происходящее по какой-то причине важно для меня. Сердце билось где-то в висках, по телу пробежали мурашки. Я бы с удовольствием закричала от нахлынувших эмоций, но здесь меня всё равно бы никто не услышал. Поэтому я решила записать всё, что пришло в голову: факты, догадки, сомнения и страхи. Это были первые строки за последние полтора года.

Мой бывший редактор наверняка сказал бы, что я всё напридумывала: он одинаково не верил в существование параллельных миров и в добро в целом. Зато верил в связи и деньги, а потому перевёл всю редакцию в режим поиска криминальных новостей и прочей шелухи, которая замусоривает сознание одних людей и приносит доход другим. Поэтому-то я и ушла из профессии и стала свободным художником (а если точнее, писателем). Несколько моих рассказов были опубликованы, но до сих пор – ничего такого, что удовлетворило бы мои амбиции и интерес моих работающих коллег. Словом, всё это, плюс небольшие накопления, позволило мне жить хоть и весьма экономно, зато свободно и ни от кого не зависеть.

Я гуляла по окрестностям, собирала полевые цветы, любовалась на птиц и зверей. Оказалось, что по соседству со мной устроилась семья ежей. Обнаружилось это ночью, когда я любовалась звёздным небом. В названиях созвездий я, кстати, не особо разбиралась, но всегда бывала очарована ими. Что касается ежиной семьи, то их было пятеро, и все они были на редкость шумными и потешными. Не зная, любят ли они выпечку, я всё же вынесла кусочек кекса и оставила рядом с крыльцом. Так мы и проводили время – я в одеяле под чудесным звёздным шатром и мои ежи.

По ту сторону

Это случилось давно, так давно, что уже никто не скажет вам, какое лето стояло на дворе и светило ли тогда Солнце. Ничего не предвещало тех событий, что будут происходить после. Город жил своей жизнью, и все были счастливы, не было ни одного человека, кто был бы опечален и грустен. Но все миры связаны. Все, что есть в лабиринте. И когда ты ступаешь по земле, кто-то по ту сторону – слышит твои шаги и принимает их за раскаты грома.

Никто никогда уже не скажет, какой из миров был виновен, и почему (или зачем) это случилось. Но это случилось. Взрыв силой в тысячу солнц вырвался из сундука злого волшебника и разрушил всё, до чего смог дотянуться. Рана постепенно затянулась, хоть и остался рубец на ткани миров. Но большинство предпочитали не замечать этого, и это им удавалось.

Но в одном маленьком городе всё изменилось. Прежде во всех окнах сиял свет, за столом всегда сидели люди и весело разговаривали. Они говорили о погоде, которая всегда радуется, и о своих любимых занятиях. Не было никого, кто бы был недоволен своей жизнью, ведь он сам её выбрал. Но в тот день многое изменилось. Окна в нескольких больших домах вдруг загорели ярче обычного, словно кто-то подключил их к новой сети. Они горели и перемигивались между собой,

будто хотели что-то сказать или о чём-то предупредить. Это продолжалось недолго: вскоре все окна разом погасли, и всё вокруг поглотила тьма. Больше никто не видел люде из тех окон, не слышал их разговоров. Да и само место стало холодным и чужим, словно на белую скатерть пролили грязные чернила.

Жизнь перестала быть прежней: в реку её истории хлынул новый поток. Бедные и обездоленные, забытые и несчастные – они появлялись здесь и не могли уйти. Они бродили неприкаянно по улицам, заглядывали в освещённые окна. Они искали своё место в этом неизвестном им мире.

Шорохи

Я почти забыла о своей газетной находке, когда очередным поздним вечером дом снова преподнёс мне сюрприз. Как всегда, я читала в кровати. Сначала я не обратила внимание на странные звуки, они мне даже по-своему нравились: мало ли, что может шуршать и скрипеть в большом доме. Но звуки становились настойчивее, поэтому я отложила книгу и вся превратилась в слух. Казалось, каждая пора на моём теле стала маленьким локатором и пыталась уловить загадочный сигнал. Из глубины дома доносился шорох, словно кто-то бродил из угла в угол. Ну вот, пронеслось в моей голове, дождалась привидений! Признаюсь, в этот момент я бы не отказалась от шумной компании близких друзей. Но проблема была в том, что их просто не было, то есть вообще.

Большую часть своей жизни я была одиночкой, хотя всегда с удовольствием разговаривала и даже любила ходить в гости. Но вот шумной компании у меня никогда не было. Вначале это меня угнетало, а потом я поняла, что мне хорошо наедине с собой, и вовсе не нужно заглушать чьим-то присутствием собственный внутренний голос. Я научилась понимать себя и последние пару лет жила в полной гармонии.

Но да, сейчас, стоя в ночной сорочке посреди комнаты и прислушиваясь к шагам в огромном пустом доме, я бы от-

дала многое, чтобы рядом был кто-то знакомый. Оцепенение моё длилось пару минут, наконец мне надоело бояться, и, схватив с тумбочки фонарик, высунулась в коридор. Как потом оказалось, правую и левую тапочки я в спешке перепутала. В коридоре было темно и пусто, пахло деревом и сыростью. Камин внизу погас, и фонарик пришёлся как нельзя кстати. Шарканье звучало несколько глуше, и после сложных раздумий и сомнений я решила изучить чердак. Всем известно, что это самое таинственное место во всех домах. Судя по всему, шум доносился именно оттуда.

Ледяными руками я цеплялась за перила и, то и дело запинаясь, всё же добралась до верхней ступеньки. Дверь на чердак была расположена не в потолке, как часто показывают в фильмах, а самым обычным образом, на отдельной площадке. Я слегка толкнула её, и она беззвучно отворилась, словно давно ждала, чтобы кто-то открыл её и развеял вековые тайны. Свет фонарика выхватил из темноты кусок пола и часть письменного стола. Он явно был выполнен из массива дерева, очень старый и очень тяжёлый. Такие стояли в кабинетах важных чиновников и, кажется, назывались бюро.

Дрожащий луч моего фонарика скользнул по углам комнаты, – ничего, кроме кучи хлама и старой мебели, никого, кто бы мог ходить. Может, это был ветер или мыши? В старых домах часто водятся мыши, а что уж говорить о ветре, который то и дело свистит в щелях между половиц! Убедив себя в этом и прикинувшись, что сама себе поверила, я по-

дошла к столу. Стопка пожелтевшей бумаги, несколько перьевых ручек, нож для почты, с очень красивой резной ручкой. Постойте-ка, а это что?

Слой пыли был таким толстым, что совершенно невозможно было рассмотреть цвет стола, и на этом фоне я едва заметила книгу. Серый переплёт, несколько затейливых завитушек, потрёпанные края. В тишине я слышала стук собственного сердца. Открыть здесь или спуститься в комнату, где светло и безопасно? Вдруг кто-то снова начнёт бродить, прямо у меня за спиной? Оглянулась, никого. Наплевав на то, что от страха могу упасть в обморок прямо тут, в пыли и паутине, и никто-то меня не найдёт, я решилась. Протерла обложку рукавом сорочки и открыла книгу. С самой первой страницы на меня внимательно смотрели доверчивые детские глаза. Фотография бела чёрно-белой, но я могла поспорить на что угодно, что эти глаза были ярко-синими.

Новые гости

Многие годы, а может – и несколько столетий, кто знает – прошли с того дня, когда погасли окна тех домов. Жители города были опечалены: их близкие и друзья просто исчезли. Но появлялись новые. Там, где прежде был двор с яркими окнами, теперь зияла дыра, шрам между мирами. Он образовал воронку, которая то почти исчезала, превращаясь в крохотную точку, то становилась похожа на водоворот в океане. И тогда в городе появлялся новый человек.

На этот раз воронка привела в город ребёнка. Последнее время такое стало происходить всё чаще. Некоторые были тихими и застенчивыми, другие бывали злыми и агрессивными, словно маленькие звери. Но всегда испуганные детские глаза искали знакомые лица и не находили их. Каждый раз новый ребёнок с надеждой озирался вокруг. Вновь прибывшая девочка была до смерти напугана и очень слаба. Несколько дней она ни с кем не говорила и почти не ела.

Всегда, когда в городе появлялся новенький, его отправляли к хранительнице города. Так же поступили и в этот раз, и ребёнка приняли, обогрели. Никто уже не помнит, как давно эта семья оберегает город и его жителей. Пожалуй, так было всегда. Но после того взрыва, который местные называют Вспышкой, хлопот явно прибавилось.

Как помочь человеку, если он не знает, кто он и поче-

му оказался там, где оказался? Каждый, кто прибывал сюда, становился перед выбором – кем быть? Никто здесь не принуждал другого, все могли выбирать себе дело по душе. Хочешь быть пекарем? Прекрасно! Там, за углом, есть прекрасное уютное помещение. Можно повесить цветные огоньки на окна, чтобы всем было веселей. А можно стать башмачником или художником. Можно строить новые дома или ремонтировать старые. Словом – можно быть тем, кем пожелаешь. Это было основой существования всего города. Так было до Вспышки, и так будет всегда. Есть лишь один момент – нужно знать, кто ты или кем хочешь быть.

Молодые и сильные со временем, как правило, находили себе применение. Так на одной из улиц появилась пекарня. Проходя мимо неё, вы бы обязательно завернули на аромат корицы и ванили, и были бы унесены воспоминаниями о беззаботном детстве и морозном утре в выходной день. А хозяином пекарни был молодой, если не сказать юный, Питер. Высокий и худощавый, с веснушками по всему лицу и добродушной улыбкой. Он сновал между столиками, участливо беседовал с клиентами. И, что уж совсем удивительно, успевал проконтролировать очередную порцию булочек с маком или корицей. Это была его мечта.

Кто бы мог подумать, что в своём мире он был беспризорником и задирой, сторонился людей, а те пророчили ему беспросветное будущее. И никто не замечал, как иногда, проходя мимо освещённых витрин пекарен и маленьких кафе,

он весь вдруг начинал светиться благоговейным восторгом. Но в темноте сырых улиц никто этого не видел, а сам Питер ни за что не признался бы в своей слабости.

Даже старики находили себе достойное применение. Кто-то ухаживал за кустами в парке, кто-то присматривал за детьми. Грум -сухой и сутулый старичок в старой фетровой шляпе – чинил обувь, и это у него хорошо получалось. Работа не требовала от него дара красноречия, и это вполне устраивало доброго и застенчивого старика.

Старая история

С той ночи больше никто не шаркал и не качался в кабинете, словно бы ничего и не было. Но меня не покидало ощущение своей причастности и ответственности. Я пока не понимала, что происходит, и в какую историю ввязалась, но разобраться было необходимо. Очевидно, что всё происходящее фокусируется на этой девочке. Странно, что Грета мне ничего не сказала. А может, она сама не знает?

Мне надоело гадать, и я отправилась за объяснениями к Грете. Далеко идти не пришлось: ферма, доставшаяся ей по наследству, находилась в десяти минутах от моего дома. Прогулка оказалась даже приятной, так как дорога пролегла через настоящие заросли ароматного шиповника. Согретые августовским солнцем, они наполняли воздух сладковатым ароматом, который уносил меня в детство. Точно по такой же просёлочной дороге я частенько ходила вместе с родителями в магазин, и эта дорожка навсегда врезалась в мою память. Так же пахло нектаром и теплом, весь воздух был наполнен жужжанием трудящихся пчёл и дребезжанием крыльев стрекоз. Чудесное было время!

К дому Греты я подошла в хорошем настроении: казалось, нет и не может быть никаких таинственных скрипов в ночном доме, потаённых дверей и прочих необъяснимых вещей. Может быть, повернуть назад, пройтись ещё раз по аромат-

ной тропе? Но здравый смысл подсказывал, что всё это мне не приснилось, а поговорить с фермершей всё-таки стоит.

Грета жила в небольшом одноэтажном доме, который издали напоминал скорее фабрику или придорожную заправку. Как такового крыльца не было, вместо него вокруг дома тянулась длинная терраса с парой деревянных шезлонгов, изрядно потрёпанных временем и непогодой. День был, и хозяйка дома была полностью погружена в работу.

Издали было видно, как женщина, активно жестикулируя, что-то объясняет своим работникам. Как обычно, в будний день на ней был рабочий комбинезон с кучей карманов, откуда торчали ключи и отвёртки. Меня она заметила не сразу: несколько минут я оставалась незамеченной в тени куста акации. После смерти родителей Греты ферма была полуразрушена и требовала твёрдой руки. Грета явно была хорошей управляющей, ферма за последние годы поднялась с колен и даже почти процветала. Тут и там ходили конюхи, садовники и другие работники. Всё крутилось и функционировало, как хорошо отлаженный механизм.

– Ну как так можно! – возмущалась Грета. – Ты что же, совсем не видишь, что это больной саженец. Его только в мусор, иначе проблем не оберёшься, он потом весь сад погубит. И тогда влетит нам с тобой от клиентов. Всё самой нужно контролировать, не положиться на вас!

Грета разбушевалась не на шутку, и я даже понимала её. В одиночку она подняла ферму, наладила производство,

к ней обращались за саженцами для сада, и сделать всё в лучшем виде было для неё делом чести. Улучив момент затишья, я вышла из своего убежища и поздоровалась с хозяйкой. Удивительно и приятно, но Грета мне очень обрадовалась, лицо её просветлело:

– Анна! Здравствуй! Ты уж извини за эту сцену. Никакого терпения не хватает с этими лентяями. Пойдём-ка в дом, у меня есть на редкость вкусное варенье, сама варила в том году.

Пока Грета готовила чай и тосты, у меня было время рассмотреть её жилище. Всё было очень просто, сквозило во всём очарование уединённой деревенской жизни. Деревянный рубленый стол, домотканые дорожки в прихожей, плетёное кресло. Грета не была замужем и не имела детей, зато вложила всю себя в развитие фермы и воспитание двух племянников. Они приезжали к ней летом и, по её словам, за пару недель превращались из замученных и избалованных дошколят в упитанных и – воспитанных – пупсов. В последнем я почему-то ничуть не сомневалась.

За чаем Грета внимательно выслушала мой рассказ и надолго замолчала. Лицо её приобрело озабоченное выражение:

– Я надеялась, что это не вскроется. Наивно было с моей стороны, но я хотя бы попыталась. Мне следует извиниться: я сознательно не рассказала тебе эту историю и пойму, если ты решишь уехать, – она взглянула на меня сквозь свои

двойные очки. У Греты была привычка носить сразу двое очков, она говорила, что только так видит всё чётко. Из-за этого лицо её принимало весьма комичное и обеспокоенное выражение одновременно. – Сейчас я всё расскажу, а уж после ты сама решишь, как тебе поступить. Только налью ещё чаю: это долгая история.

И Грета рассказала мне длинную историю, а я передам её вам.

Пятьдесят лет назад в доме на холме поселилась семейная пара с девочкой лет восьми. Родители работали в городе, и девочка подолгу оставалась одна, если не считать пожилой кухарки, которая за ней иногда присматривала. Городок был спокойный, все друг друга знали, а потому родители девочки могли спокойно уезжать на целый день. Детей в округе было много, и дочке было, с кем поиграть. Правда, она была не слишком общительна. Нет, вы ничего не подумайте, она была обычным ребёнком и так же играла в догонялки и прятки, в дочки-матери с соседской девочкой. Но больше всего любила читать или рисовать в одиночестве.

Лето в тот год выдалось жаркое, почти без дождей, и сено золотистыми снопами уже стояло в полях. Солнце во всю сверкало на ярко-голубом небе, несмотря на то, что не за горами был сентябрь. Никто уже и не ждал дождей, поэтому раскаты грома вдалеке стали настоящей неожиданностью. Сначала гром доносился глухими раскатами с горизонта, а затем небо резко потемнело, и началась гроза.

Моя новая знакомая вновь замолчала и пристально смотрела в окно. Тучи на горизонте были уже совсем тёмными, и мне показалось, что я смотрю фильм или книжку с поразительно красочными иллюстрациями к рассказу. Удивительно, ведь ничего не предвещало дождя. Заставив себя оторваться от вида за окном, Грета продолжила:

– В тот вечер буря была сильная. Ветер гнул деревья, листья летали вперемешку с мусором. Все старожилы уж очень хорошо тот день запомнили, потому что ни до, ни после такой грозы не случалось. Казалось, того и гляди, крышу сорвёт. В доме на холме девочка, как назло, была одна, родители должны были вот-вот вернуться, поэтому кухарка ушла пораньше. Только по всему выходит, что из-за непогоды они – родители-то – задержались, а дочка их так одна и сидела, в грозу-то. Натерпелась, бедная.

Мимо дома в тот вечер как раз проезжал мальчик-почтальон. Он-то и был последним, кто видел её. Вокруг было уже темно из-за туч, а в доме горел свет, и силуэт девочки чётко вырисовывался на его фоне. Потом сверкнула молния, да такая, что мальчик зажмурился и в испуге поспешил на своём велосипеде домой. Позже оказалось, что молния как раз в дом ударила и не раз, всю электропроводку вывела из строя, хорошо, что пожара не случилось.

Ранним утром вернулись родители, но девочки нигде не было. Подняли на уши всю округу, полицию, перевернули весь дом, а ребёнка не нашли. Только в кабинете отца, ря-

дом с обуглившейся лампой нашли детскую книжку, её любимую. В рабочем кресле отца девочка любила читать. Больше её никто никогда не видел.

Теперь и я внимательно смотрела в небо и словно наяву увидела, как маленькая девочка стоит в проёме двери, вокруг бушует буря, чёрное небо с рваными тучами. Тут и там небосвод озаряется яркими всполохами молний. Охрипшим голосом я спросила:

– А как её звали?

– Кэти. И дом этот с той поры у нас зовётся «Домик Кэти». Конечно, потом расследование было: думали, украл кто. А кому красть-то? Да ещё в такую бурю. Всю округу обыскали, да куда там, всё без толку, как в воду канула. Да и дверь, дверь-то, – Грета взволнованно тыкала пальцем в сторону своей входной двери, – закрыта была изнутри!

– А кухарка? Может, она что-то знала?

– Нет, – Грета покачала головой. – Она в тот день раньше ушла, думала, хозяева скоро вернутся, а оно вон как вышло.

И правда, история вырисовывалась странная и мрачноватая. Очень жаль было эту Кэти. Куда она, в самом деле, могла деться? Я даже оглянулась.

Моя знакомая решила добавить:

– Если вдруг передумаешь, только завтра сможешь съехать, сегодня уже в город ничего не идёт.

После этой истории родители девочки уехали, и дом опустел на долгие годы. Только спустя лет тридцать его слег-

ка отремонтировали и стали сдавать в аренду, но и тут не всё гладко получалось. Приезжие частенько съезжали через неделю-другую. Говорили, будто в комнатах ни с того, ни с сего зажигался свет, и по всему дому по ночам раздавались непонятные шорохи!

Я рассказала Грете о недавних событиях в доме и о том, что видела девочку, но её это не особо удивило.

– Однажды остановился там один нервный профессор, так он тоже заявил, будто видел девочку. Он, дескать, ночью отправился на кухню воды попить, а в коридоре – она. Нет, не в белом и на привидение не похожа. Представляешь, говорит: стоит перед ним, словно как и не видит его, а сама смотрит по сторонам, будто место ей незнакомое. Постояла так и пропала, как туман. Но даже если и она это была (упокой, Господь, её душу), то никому зла не сделала.

Спорить я не стала, а на обратном пути задумалась об этой истории. Как же тяжело было родителям Кэти. Сколько раз, должно быть, прокручивали они в своей голове, что бы было, если успеть. Если оставить в тот день все дела на работе и вернуться до грозы. Может быть, они даже что-то чувствовали в тот самый момент, но не прислушались к своему сердцу. Как бы то ни было, а случилось то, что случилось, и теперь я имею к этому непосредственное отношение.

Страшно мне не было, напротив – после разговора с Гретой я уверилась, что всё происходящее не плод моего воображения, а лишь отголосок давних событий, который по-

чему-то никак не желает успокоиться. Вы можете посчитать меня сумасшедшей, но я приняла случившееся за знак и свидетельство того, что я могу что-то сделать для этой девочки. Пока не знаю, что и как, но обязательно придумаю.

Этот вечер я провела на удивление хорошо. За окном было по-прежнему пасмурно, и я с чистой совестью позволила себе остаться дома и побездельничать. В моем случае это означало просидеть целый день с кружкой чая и блюдцем с печеньем. Других продуктов по дороге я не купила, а в доме едва ли можно было найти что-то съестное. Оставалось пить чай, тем более, что на кухне нашлась на удивление красивая кружка. На ней были изображены две девочки на природе. Пасторальные мотивы свидетельствовали в пользу внушительного возраста кружки.

Находка

Старые вещи я всегда любила, в них есть что-то загадочное. А какой молодой писатель не любит загадок? Оставалось отыскать чайник, потому как кастрюля сильно диссоциировала с такой красивой кружкой, и я смело принялась за поиски.

Отыскать такую простую вещь в большом доме оказалось непростой задачей. В кухне его не оказалось, как и в зале, и в других комнатах. Зато мне обнаружилась масса других интересных вещей: детская скакалка, которая доставала мне до колена, несколько засохших карамелек, чьи-то тапки, весьма неплохие, с помпонами, а ещё несколько гаек и деревянная шкатулка без половины крышки. Все эти богатства я оставила на прежних местах, за исключением тапок, которые с удовольствием надела. Сразу стало теплее и радостнее.

В конечном счёте, чайник я нашла совершенно случайно, когда пыталась открыть чулан в коридоре. Дверь чулана мне не поддавалась, зато сверху прямо на голову свалился чайник. Хорошо, что сначала упала его крышка, и я успела отскочить в сторону, иначе бы заработала внушительную шишку.

Очистившись от остатков паутины и непонятных трав, я отправилась заваривать долгожданный и честно заслуженный чай. Чайник, кстати, оказался очень симпатичным: такой же пузатый и с изящно выгнутым носиком был у мо-

ей бабушки. Каждые выходные она тщательно начищала его до блеска и заваривала травы. Я обожала эти дни: в доме пахло мятой, смородиновым листом и немного ревенем. Ревень бабушка тоже добавляла в чай, совсем чуть-чуть, для аромата и кислинки.

Ничто не сравнится с ароматом чая – настоящего, со свежими или сухими травами, ягодами земляники, брусничным листом. Мне сложно было бы выбрать что-то одно, поэтому я запасая всего и побольше. Но сейчас в моем рюкзаке был лишь небольшой мешочек с мятой. На мой вкус, это самый базовый и универсальный ингредиент для хорошего чая. Было бы здорово добавить что-то ещё по случаю счастливого обретения настоящего чайника, и я провела ревизию буфета. К моему удивлению и великой радости, в дальнем углу обнаружилась жестяная банка с сушёной малиной. Ягод было меньше половины, но выглядели они вполне пристойно. Долго я не могла отвести взгляда от этой горстки тёмных, сморщившихся ягод: сколько литров чая с сушёной малиной выпила я в детстве? Тогда мне казалось это настоящим наказанием, и бабушке приходилось уговорами и вазочкой с мёдом заставлять меня. Много позже, когда бабушки не стало, я бы многое отдала за возможность ещё раз посидеть с ней за столом, поговорить о какой-нибудь ерунде, послушать её песни. Пела она редко, но всегда от всего сердца, а в её глазах стояла тихая печаль. Времени с самыми близкими и родными людьми всегда будет недостаточно, и каждый раз мы

будем сожалеть, что уделяли им мало внимания. Сегодня – я проведу вечер с воспоминаниями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.